

Издатель

ФГБОУ «Петрозаводский государственный университет»
Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Литературный журнал

Verba

<https://verba.petsu.ru>

Выпуск 8 (№), 2024

Главный редактор

И. В. Львова

Редакционная коллегия

И. В. Львова

Адрес редакции

185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Ленина, 33.

E-mail: verba@petsu.ru

<https://verba.petsu.ru>

Переводы

Дан Андерссон. В саду смерти

ШОРИНА Марина

ПетрГУ (Петрозаводск),
konovmasha@yandex.ru

Дан Андерссон (1888—1920) — один из первых представителей литературы рабочего класса в Швеции и Финляндии, однако в его работах есть место и для духовного. Андерссона привлекали мистицизм, метафизические размышления — всё то таинственное и непроницаемое, что обещало открыть новые горизонты понимания мира и глубже познать природу человеческой души. Именно эта сторона творчества раскрывается в новелле «I dödens trädsgård».

Жил однажды молодой художник, который, казалось, слишком серьезно подходил к своему ремеслу. Если он не писал картин *Печали и Смерти*, то обращался к *Боли и Страху* — поэтому все его друзья рассудили, что в конце концов ему следует оставить эти мрачные сюжеты. «Жизнь прекрасна», — уверяли они, — «она многогранна и полна счастья для тех, кто может его разглядеть». Тогда художник стал размышлять о том, почему ему не удастся замечать подобные вещи.

Он начал писать портреты, но даже в них вкладывал то неприглядное, что людям не хотелось бы признавать: похоть, вожделиние, ненависть и ложь — всё то, что не хочется увидеть, смотря на себя в зеркало. К тому же он взял за привычку спрашивать натурщиков, задумывались ли они о своих бессмертных душах и обдумывали ли хоть раз, можно ли прожить жизнь, не терзая себя угрызениями совести. По этой причине никто больше не желал позировать ему, ведь никому не хотелось отвечать на подобные вопросы, вспоминать о своих грехах и грядущем раскаянии. Он остался без дохода, и друзья пытались убедить его наконец отбросить все эти, как они выражались, юношеские фантазии. С этого момента художник должен был писать картины невероятной жизни, наполненной счастьем. Но он понял их превратно, решив писать мир и покой. А есть ли в жизни покой? Он едва ли знал об этом. Однако картина, над которой он начал работать, называлась «Деревья». На ней не должно было быть ни капли горечи, печали или смерти. Мог ли он написать такую картину — тот, кто никогда не знал покоя? «Да», — поддержали друзья, — «ты можешь по крайней мере вообразить покой и радость, и, если ты не нашёл их в жизни, то можешь воплотить в своём искусстве». Тогда ему показалось, что он всё понял. И он начал писать.

Через несколько недель он значительно продвинулся в работе, поэтому появилась определенная надежда, что из этой затеи может что-то получиться. Конечно, поначалу ему удавалось работать над картиной лишь изредка, что требовало дополнительных усилий, но постепенно он развил этот навык. Он был подмастерьем и готовился вскоре сдавать экзамен, чтобы стать настоящим мастером. Опытные знатоки искусства заявляли, что это величайшая картина их времени. Она представляла, по их словам, самую живую жизнь — но в каждой её детали всё же были глубокий покой и умиротворение.

Однако эта картина была очень странной. За день до выставки, когда художник, можно сказать, прощался с ней, он почувствовал, что почти доволен собой — кронпринц, которому нравилось такое искусство, увидев пейзаж, выразил желание приобрести его. Ведь там, в мистической тени крон старых деревьев царили необычайный покой и тихая радость. Зелень мхов светилась изумрудным цветом, а маленькие лесные лилии полыхали, как языки пламени, среди корней деревьев. Листва тихо шелестела, и казалось, доносятся песни ветра и птиц. Деревья были древними, но не сухими. Гордые и спокойные, с узловатыми стволами, они возвышались кронами колышущейся листвы, между которыми, как сквозь цветные витражи собора, в полумраке струился свет. Переливы цвета не нарушали спокойствия. С каждым разом они становились более мягкими и плавными, просачиваясь во мглу, где капли росы искрились в безмолвном величии бархатистой травы.

Но самым странным в этой картине было то, что казалось, будто можно было заглянуть в глубь леса. Коридор

из шершавых стволов тянулся всё дальше и дальше, и там, вдали, угадывались очертания луга, где разноцветными волнами разливался совершенно новый свет, напоминающий о неземном блаженстве. Но даже в этой далекой белой дымке можно было что-то рассмотреть, если достаточно долго вглядываться, да, казалось, что там, вдали, был особый свет, излучаемый откуда-то из небытия. Пока художник стоял, погруженный в созерцание картины, начало смеркаться, так постепенно он оказался полностью окутан темнотой. По-прежнему видя свет, пробивающийся между деревьев, он вполголоса произнес, – «Вот бы однажды войти в этот лес». Мастер понял, что очень устал и вот-вот рухнет, и сел на стул перед мольбертом, не в силах отвести взгляд от своей работы. Его беспокойное воображение разыгралось, и он почти пожалел, что не поместил человеческой образ между деревьями. В следующую секунду его взгляд привлекло нечто странное, не поддающееся объяснению.

Картина была такой большой, что занимала почти всю стену мастерской, которая превратилась в заколдованный лес, где всё, казалось, спало, но во сне говорило, улыбалось и напевало радостные мелодии. Художник заметил темную точку, на фоне света, исходящего от луга за лесом. Мастер поднялся, чтобы разглядеть, что это такое, и обнаружил, что точка приближается и увеличивается. Наконец удалось различить фигуру человека. Слегка согнувшись, тот медленно шел через лес вперед, неся на плече лопату. Художник не почувствовал страха, ему казалось вполне естественным, что там идет человек, но почему он несет лопату – непонятно. Может, это кладоискатель?

Человек вышел на передний план, остановился, чтобы передохнуть, облокотился на лопату и посмотрел вокруг, словно искал подходящее место для раскопок. И вдруг он заговорил, не обращая взгляда к сидящему художнику:

— Да, где-то здесь он, наверняка, должен остаться. Ведь именно этого он желал. Он истощил себя годами труда попыток выразить свою горячую и беспокойную душу. Он не мог иначе, и поступал правильно, не предавая свои убеждения.

Но теперь, похоже, его дело завершено: он больше не способен отражать в искусстве бури своей души, он не хочет больше мучить мастеров. Теперь он хочет писать картины счастья, рисовать для принца, обрести славу и покончить со своей бедной жизнью, так что будет справедливо, если он останется здесь.

— Нет, нет, – громко закричал художник, задыхаясь, – я совсем не хочу оставаться здесь! С этими словами он бросился вглубь леса, мимо старика, который уже начал копать. Он бежал, продираясь сквозь ветки деревьев, часто спотыкался, ища дорогу, потому что не смотрел больше под ноги, а только вперед, навстречу чудесному свету за лесом.

Несмотря на то, что художник снова и снова падал, теряя сознание от усталости и боли, он всё равно вставал и продолжал бежать, как только приходил в себя. Темнело, и пробираться через дебри становилось все труднее. Мастер и подумать не мог, что этот лес так огромен, а утренний свет так далек. Он по-прежнему не мог приблизиться к нему. Когда художник остановился и прислушался, то различил лишь звуки учащенного биения собственного сердца и глухие удары лопаты старика, копающего землю среди столетних дубов.

– Я рисовал совсем не это, – лихорадочно шептал он. Это я не рисовал, только подумал, что хотел нарисовать. Я никогда не останусь здесь! И побежал дальше, с отчаянием глядя на свечение вдали, похожее на зеленый луг под удивительно ярким солнцем.

Наконец посветлело и стало свободнее дышать. Вдали на горизонте он увидел странный свет, расходящийся яркими волнами, словно всплески звездного моря. Солнца на небе не было, но светилась сама земля. Художник ускорил шаг, и лес незаметно остался далеко позади.

Только теперь он почувствовал, что шаги стали легче, и больше не было ощущения, что к подошвам липнет земля, ноги спотыкаются о корни, путаются в траве и вереске.

Земля была ровной, но не голой – снизу поднималась какая-то необычная трава невысокими красочными волнами, а цветы сияли и мерцали, как звездочки. Он больше не ощущал тяжести своего тела и не чувствовал, что находится на земле. Перед ним раскинулся широкий и ровный луг, трепещущий от ароматов летних цветов. И это была лишь кромка воды из цветов, света и запахов: все это образовывало береговой вал, а за ним плескалось белое сияющее море, выбрасывая высокими каскадами огненную пену среди гортензий и южных цветов на островах.

И как только художник собрался побежать туда и броситься в бездну света, он почувствовал, что всё-таки его тело слишком тяжелое. «О, это моя одежда – мои оковы, которые держат меня на земле!», – воскликнул мастер. Но тут на него налетел сильный порыв морского ветра, и художник, чуть не закричав от боли такой силы, словно его разорвало пополам, уже в следующий миг почувствовал облегчение. Ему показалось, что он был как летнее облако – и всё же это был он. Он оставался собой.

Но когда художник пробирался сквозь кустарники с огненными цветами к берегу, он услышал позади себя тяжелые шаги и увидел, что старик с лопатой следовал за ним. Однако тот, оказалось, не видел его, а остановился, наклонившись над чем-то темным, лежащем на земле. Это было тело. Оно напоминало старый поношенный черный костюм с чем-то безжизненным внутри. Старик-Смерть унесла его на своих сильных плечах. — «Я знал, что ты останешься в моем саду», — прошептал он и поспешил уйти прочь, чтобы похоронить изношенное и оставленное.

Но к тому времени художник уже добрался до моря. На мгновение он замер на берегу с вытянутыми, как в молитве, руками, а затем кинулся в пучину света и огня, и, как только что зажженный факел, брошенный в жадный огонь, был поглощен светом. И больше его там не было, а только чистый и вечный утренний свет.